входило около 500 школ Пермской губернии. В результате колчаковской агитации с белыми в Сибирь в июне 1919 г. ушли 80% учителей г. Перми (16).

---

1. Народное просвещение. 1919. №6-7. С. 1-5.
2. Народное просвещение. 1919. №4-5. С. 23.
3. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 603. Оп.1. Д. 476. Л. 32.
4. ГАПО. Ф. Р-119. Оп. 1. Д. 154. Л 140.
5. Доклад комиссии по реформе школьного управления. Пермь, 1917. С. 5.
6. ГАПО. Ф. Р-119. Оп. 1. Д. 154. Л. 142.
7. Народное просвещение. 1918. №1-2. С. 53.
8. ГАПО. Ф. Р-119. Оп. 1. Д. 154. Л. 156.
9. ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 537. Л. 11.
10. ГАПО. Ф. Р-484. Оп. 2. Д. 347. Л. 1.
11. ГАСО. Ф. Р-1600. Оп. 1. Д .5. Л. 39.
12. ГАСО. Ф. Р-1600. Оп. 1. Д. 5. Л. 72, 75, 80, 94.
13. ГАРФ. Ф. Р-320. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.
14. Собрание узаконений Временного Сибирского правительства. Омск, 1918. №5. С. 8.
15. Современная Пермь. 1919. №63. С. 4.
16. ГАПО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.

Канзафарова М. М.
(Нижневартовк)

О трудностях «коренизации» кадров в ХМАО в 1930 - х гг. (на материалах окружной газеты «Остяко - Вогульская правда»)

Обращаясь к вопросу коренизации местного населения, следует рассмотреть трудности реализации одного из важнейших направлений государственной культурной политики на Севере Западной Сибири.

С момента создания национального округа, как подчеркивает Л. В. Алексеева, главной чертой кадровой политики стала коренизация. Она подчеркивает, что упор в подготовке кадров для региона делался на представителей коренных национальностей. Следовательно, коренизацию следует понимать как выдвижение к участию в

управлении и выполнению общественных обязанностей в различных организациях и учреждениях представителей коренных народов, которые, за редким исключением, не имели для этого не только соответствующего образования, но и опыта (1).

В начале XX в. в регионе появились первые учителя и медицинские работники из числа русских, но они не владели местными языками, не знали культуру, обычаи, традиции местного населения. Чтобы ликвидировать неграмотность и осуществить всеобуч детей коренных народов – рассматривавшиеся государством и партией большевиков в 1930-е гг. как приоритетное направление в культурной политике, нужна была учительская интеллигенция из числа местного населения.

В окружной газете регулярно помещались материалы, характеризующие проблемы подготовки кадров. Так, в номере 4 октября 1933 г. указывается: «На первый план выдвигались коренизация школ первой ступени, т. е. перевод их на родной язык» (2). Затем эти задачи вставали перед окружным национальным педагогическим техникумом, призванным «выковывать» первые кадры красных специалистов-борцов за культуру.

Коренизация шла с большим трудом, что было вызвано нехваткой преподавателей и слабой обеспеченностью учебного процесса учебно-методической литературой и другими средствами обучения. Учителя, работавшие в школе испытывали острую потребность в консультациях, им не оказывалась методическая помощь. Так, учитель Минзетурской школы (Березовский район) Ильиных писал в газету: «Мы живем очень разобщенно […] Связь с отделом настолько слаба, что по существу в течение всего школьного труда учитель предоставлен самому себе» (3).

Нередко учителям приходилось работать в условиях полного отсутствия необходимой учебно-методической литературы, недоставало подробных предписаний и инструкций. Учитель Захваткин Добринской школы пояснял через газету: «Я уже третий год приезжаю на курсы по переподготовке …. И каждый год оказывается, что полученные раньше знания забыты. Происходит это потому, что учителям не создают обстановку, в которой они могли бы повседневно закреплять свои знания» (4).

В 1932 – 1933 гг. в округе с большим трудом были открыты рыбопромышленный техникум, медицинское училище, туземный педагогический техникум.

В первое время набор из числа малочисленных народов Севера был крайне низок. Так, газета «Ханты Манси Чоп» от 3 июля 1933 г. писала: « …. явная недооценка подготовки рыбокадров и отсутствие какой-либо в этом отношении массово-разъяснительной работы – дают классовому врагу и его агентуре волю вести среди молодежи агитацию против поступления в техникум» (5). Реально причины недокомплектования состояли в другом – не имелось хоть сколько-нибудь грамотных туземцев, способных продолжить обучение в учреждениях среднего специального образования.

Для работы туземного педагогического техникума был сформирован грамотный педагогический коллектив, созданы приемлемые по тем временам бытовые условия для студентов, выплачивалась стипендия, выдавалась одежда. Однако по данным газеты «Ханты Манси Чоп» в 1932 г. техникум был укомплектован студентами лишь на 46 %. Ханты и манси вели в основном привычный образ жизни и немногие из них хотели учиться. Несмотря на трудности в организации учебного процесса была создана необходимая материальная база, закуплены учебные пособия. При техникуме развернули подсобное хозяйство, которое не только обеспечивало продуктами питания, но и способствовало обучению ведения сельского хозяйства студентами (6).

Уже через год (1933 г.) техникум был укомплектован студентами из ханты и манси, съехалась молодежь из отдаленных районов со всех глухих уголков Остяко-Вогульского округа, однако перелом в комплектовании все же был связан с разрешением обучаться в учреждениях среднего специального образования детям спецпереселенцев (1935 г.).

Недостаток медицинских работников привел к тому, что местное население стали привлекать к поступлению в Остяко – Вогульскую фельдшерско – акушерскую школу, где также наблюдались проблемы с комплектованием и обучением.

Кроме этого, органы власти способствовали коренизации путем повсеместного внедрения краткосрочных курсов. В местной газете приводятся сведения, что за 1932 – 1933 гг. прошли разные курсы 314 туземцев, 20 туземцев обучались в Ленинградском институте народов Севера. Однако, курс обучения не проходил успешно (7). Так, в газете «Ханты Манси Чоп» от 15 июня 1935 г. говорится: «Райсоюз обязался проводить техучебу на песках среди рыбаков, организовать учебу в аппарате райсоюза – бухгалтеров, плановиков и создать ряд курсов по

подготовке кадров […] А между тем к выполнению этого решения еще не приступлено […]. Одна из главных и основных причин отсутствия решимости в подготовке кадров состоит в том, что еще руководители организаций не понимают того, что кадры нужно готовить не компанейски, а повседневно» (8).

Очевидны огромные трудности в процессе коренизации, однако предпринимаемые усилия способствовали охвату в той или иной мере представителей народов Севера и имели некоторые положительные итоги к началу 1940-х гг. Все выпускники средних специальных заведений впоследствии внесли значительный вклад в социально-экономическое развитие округа и расширение просвещения народов Севера.

---

1. См.: Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917 - 1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация. Нижневартовск, 2006. С. 273, 292.
2. Остяко-Вогульская правда. 1933. 4 октября.
3. Там же. 1935. 22 июля.
4. Там же.
5. Там же. 1933. 3 июля.
6. Там же. 1932. 29 августа.
7. Там же. 1933. 30 августа.
8. Там же. 1935. 15 июня.

Капустян Г.Т.
(Кременчуг, Украина)

Голодомор 1932-1933 гг. в Украине по документам из фонда Сталина

Путь к гражданскому будущему современного украинского общества невозможен без правды о своем прошлом. Главными остаются резонансные темы, которые задевают судьбы многих семей, а в Украине – почти каждую.

Общественная тирания, которая отходит, цепляется за прошлое, тормозит путь к будущему. Советская государственная система скрывала собственные злодеяния, следы которых теряются в государственных и ведомственных архивах. Историческая научная